

СЕМЬ ДНЕЙ ИНТЕРЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

МЫСЛИТЕЛЬ ТАНЦА

В О ВТОРНИК, 18 января, я в первый раз увидела «Скоморохов». До этого мне казалось, что с помощью Игоря Моисеева я кое-что поняла в принципах его работы. Во всяком случае он не делал из нее секрета и на репетициях, по ходу танца давал те или иные объяснения. Кроме того, мне не раз, не два и не три приходилось его слушать, бывать на концертах Государственного академического ансамбля народного танца СССР и даже наблюдать за тем, как проходят его выступления за границей. Они тоже чрезвычайно обнажили, сделали наглядной причину удивительной популярности моисеевцев. Там вдруг открылось то, что у себя дома не очень-то замечаешь: гражданская направленность их работы.

Скажут — ну при чем тут гражданственность, какие-то особые идеи несут в себе танец? Естественно — раз он народный, то мы видим признаки стиля, угадываем национальный характер, проникаемся настроением номера — но мысль? Разве она не одинакова у всех, кто ставит «Лявониху», «Хоруми» или «Русский»? Идея программы — в утверждении живого мира: его разнообразия, его красочности, его заманчивости, его красоты. Причем эта идея предстает в форме настолько законченной, вернее, возникает из такой законченной формы, что зритель и не может и не хочет противиться двойному обаянию: обаянию искусства и обаянию радости, которая так и захлестывает, так и держит вас в своей власти.

Для этого не обязательно танцевать быстро и музыка не обязательно должна звучать громко. Танец может быть и лукавым, и нежным, и элегическим, и томным — он все равно утверждает полноту бытия, хоть на минуту, но объединяет всех тех, кто на сцене и кто в зале. ...Сейчас в зале почти пусто. Семь дней, которые мне предстоит провести

в ансамбле, — это семь дней непрерывных репетиций, даже в выходной день — в понедельник. В начале февраля — премьера, а в конце января, 22-го, юбилейный концерт Игоря Александровича Моисеева: его шестидесятилетие. Впрочем, дата кажется сильно преувеличенной — дело ведь не только в том, кто как выглядит, но и в том, кто как работает — с каким запалом, с какой энергией, с какой неутомимостью.

Непрофессионалу именно эта неутомимость первой бросается в глаза. И раз репетируют танец, и два, и три — и час, и другой. Потом понимаешь — неутомимость эта особого свойства: физическая выносливость плюс еще нечто не менее, а пожалуй более важное. Что? Осмысленность действия, как в самом широком, так и в самом узком значении слова. Ну что, например, возражишь Моисееву, когда он, посмотрев очередной номер, уже вынесенный из репетиционного зала, заявляет «На сцене надо площадку брать, а вы танцевать учиться». И артисты начинают «брать площадку» и эта добавочная конкретная задача становится тем стимулом, который, если и не воодушевляет (пока прибережем это слово), то убеждает людей. А убедить — необходимо, и Моисеев это прекрасно понимает. Отсюда — тон его обращения к артистам, характер замечаний, общая атмосфера коллектива.

Вне всякого сомнения, его слушают, но не по принуждению, — по праву. Сколько бы ни говорили про актеров, что для них нет авторитетов, что как бы ни был хорош режиссер, в данном случае балетмейстер, — они все равно недовольны — это правда поверхностная, для обывателей — в том числе и от искусства. Конечно, если предложения неосмысленны, если идут только от того, что «я так вижу» и не подкрепляются результатом, — глухих упреков не избежать. Тут результат налицо и проверяется тотчас же — и по лицам окружающих и, главное, по собственным

ощущениям: танцевать сразу становится легче, удобней, руки и ноги не путаются, безотказно повинуются актеру.

Сразу хочется сказать вот о чем: наши семь дней пришлось на семь дней тех репетиций, когда уже закрепились, отработывались ранее найденные. Моисеев точно знал, что хочет, и танцоры уже владели образом. Именно образом, как в драме, мы не оговорились. Тут, для живости, можно сослаться на устную цитату: «Лучший способ замаскировать недостатки — играть, а то все поймут, что мы не умеем танцевать», — хотя дело, естественно, не в словах, а в принципе, который слова походя подтвердили. (Заметим в скобках, что к месту сказанное слово тоже возымело действие — вызвало улыбки, ответные взгляды, общение.) На этом последнем Игорь Моисеев настаивает особо, ибо танец у него не просто цепь взаимосвязанных друг с другом фигур, но определенный драматический сюжет, выраженный в пластике.

Могут спросить — как это? Ведь если дело касается программных вещей — ну, например, «картинок прошлого», то понятно: мы видим своего рода маленький балет. (Опять-таки заметим в скобках, что во многом это стало понятно благодаря И. Моисееву: смотришь такой

его шедевр, как «Партизаны», и проникаешься, помимо всего прочего, и смыслом действия. Не всегда же этот смысл должен быть выражен чисто литературно — в живописи более действенны другие компоненты, в танце — тоже.) Но это все-таки в фабульных вещах. А вот полька, русская пляска, грузинская, узбекская — мало ли их у ансамбля? Мало. В том понимании, которое мы обычно употребляем, даже очень мало, почти совсем нет.

Как ни обидно — это не авторское открытие. На концертах остро чувствовалась особенность исполнительского стиля — теоретическая его суть открылась только на репетициях.

«Наша новая программа состоит из двух отделений: «Дорога к танцу» и «По странам мира». Первая часть — это своего рода зримый ответ на многочисленные вопросы о секретах ансамбля, о том, как был найден его стиль, его почерк. Объясняется словесно — трудно, вот мы и решили раскрыть творческую лабораторию: показать элементы нашего мастерства от самых простых до самых сложных. Мы начинаем с тренажа — с упражнений и, усложняя их, показываем, как складывается, рождается танец. Однако наша задача не только в этом. Изящно и легко выполненные

известия-приглашение
г. Москва

22 ЯНВ 1960

омбинации — одно. Умение стилистически перевоплощаться, работать каждый раз в новой пластической координации — вот что самое трудное. Надо, чтобы зрители чувствовали и жанр, и историческую концепцию, и национальный характер происходящего».

Трудно? Очень. Но возможно — и еще как. Вот те же самые движения — «два прихлопа, три прихлопа», к которым мы с детства привычны. Правда, дома они почему-то кажутся изрядно поднадоевшими, скучными — станцевать их на городском вечере редко кому придет в голову. А вот здесь то и не то, знакомое — и пленительно новое. Опять вопрос — почему, но ответ на него чуть позже, а пока о том, как разворачивается номер. А разворачивается он интересно, и не просто интересно, а с юмором, который и образует сюжет.

На сцене — шестерка и на смену ей — еще шесть парней. Первые, правда, не уходят, а с любопытством смотрят на появившихся. У новеньких же — свой азарт: они много меньше ростом и им необходимо «поставить на место» верзил. Вот они и стараются, а те подсмеиваются, а эти еще более стараются, и соперникам теперь не до улыбочек. Слово спохватившись, они враз вступают в танец, и он теперь становится общим. Быстрее, быстрее, быстрее, быстрее — и мгновенная остановка.

Но почему же все-таки не исчерпывается фольклор? Не вообще фольклор разумеется, а данный конкретный танец, сложившийся десятки лет назад? Да потому, очевидно, что подлинное искусство — не копия, и Моисеев прекрасно это понимает. Теперь — яснее, чем когда-либо, хотя и около 30 лет назад, в годы организации ансамбля, балетмейстер твердо знал одно: этнографический музей он создавать не будет. В этой решимости одинаково важны два момента, и Моисеев говорит о них так: «Художник имеет право касаться всего, но если он не оставил след о своих современниках, о современности — он ремесленник, не больше». А как выразить сегодняшний день, если связать себя чем-то, раз навсегда устоявшимся? Именно поэтому балетмейстер досконально стремится узнать самое для него главное — характер движений того или иного народного танца, его разговорный язык. «Любая стилизация может превратиться в подделку, но если вам ведом стиль пластики — вы смело

можете подчинить его своему замыслу»...

Все эти важные вещи я узнаю не из специальной беседы. Моисееву удобнее говорить во время репетиции — тогда, когда непосредственно танец либо вызывает мой вопрос, либо побуждает его обратить мое внимание на те или иные принципиальные моменты. Постепенно убеждаешься в одном: то, что делает Игорь Моисеев, он делает не только строго обоснованно, обдуманно, но и теоретически аргументированно. Очень хочется спросить: а много лет назад он действовал так же сознательно или все решала интуиция? Спрашиваю — и в ответ слышу целую историю, достаточно драматическую, если учесть, во что она могла вылиться для ансамбля и его руководителя.

Кратко, история сводится к давнейшей довоенной полемике между Моисеевым и одним балетным критиком, обвинившим в газетной статье коллектив не более не менее, как в оглушении народных образов. Балетмейстер ему ответил, критик не остался в долгу — и было решено устроить открытую дискуссию. При огромном стечении заинтересованных лиц она состоялась во Всероссийском театральном обществе и закончилась исполнением «Полянки» — того самого «крамольного» танца, который «оглулял». Самое забавное было в

том, что оппоненты аплодировали громче других и признали себя побежденными искусством.

Разговором об искусстве, о галанте, который не только дарит людям наслаждение, красоту, но и раздвигает границы повседневного существования, делает его богаче, насыщеннее, мудрее, — этим разговором и хочется закончить рассказ обо всем том, что автор увидел в течение семи дней жизни интересного человека. Правда, нужно признать, что описания по дням не получилось, но это потому, что внешне эти семь (а именно с 12 по 18 января) были похожи друг на друга. Моисеев признается — не только эти, но и великое множество остальных, которые начинаются всегда одинаково — репетициями и кончаются тоже одинаково — либо концертом, который мастер, как правило, смотрит, либо снова работой. Жизнь, будто бы ограниченная строгими рамками и в то же время бесконечно разнообразная (тут речь не о гастролях, не о зарубежных впечатлениях — как они ни важны сами по себе), тут речь о внутреннем творческом мире, который один и дает истинное, полное удовлетворение.

Ну что иное, в самом деле, может испытывать Игорь Александрович Моисеев, когда смотрит на своих «Скоморохов»? Когда он рассказывал о них, о

том, как рождался танец, ради чего он был создан, все казалось очень верным и любопытным — не более. «Показать скоморохов не просто зесельчаками, балагурами, но и своеобразными выразителями народного протеста против ханжеской морали, религиозных догм — вот в чем была идея. Недаром церковь так нещадно боролась с бесовскими зрелищами»...

И вот это зрелище перед нами — во всем богатстве выдумки, юмора, блеска, отточенного мастерства. И невольно думаешь: какая это драгоценная штука — талант. Как он воодушевляет, наполняет мысль, какие дарит откровения, какую неожиданную радость. И радость не только тем, кто смотрит, но и тем, кто работает, годами трудится рядом. У некоторых одаренных людей есть счастливая особенность собирать вокруг себя таких же одаренных. Труппа Моисеева в целом — это собрание настоящих артистов, знающих и любящих свое дело. Собрание людей, как и мастер, воодушевленных искусством.

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ.

НА СНИМКАХ:

● Игорь Моисеев и артист ансамбля П. Голованов.

● Моисеев репетирует...

Фото В. Ахломова

